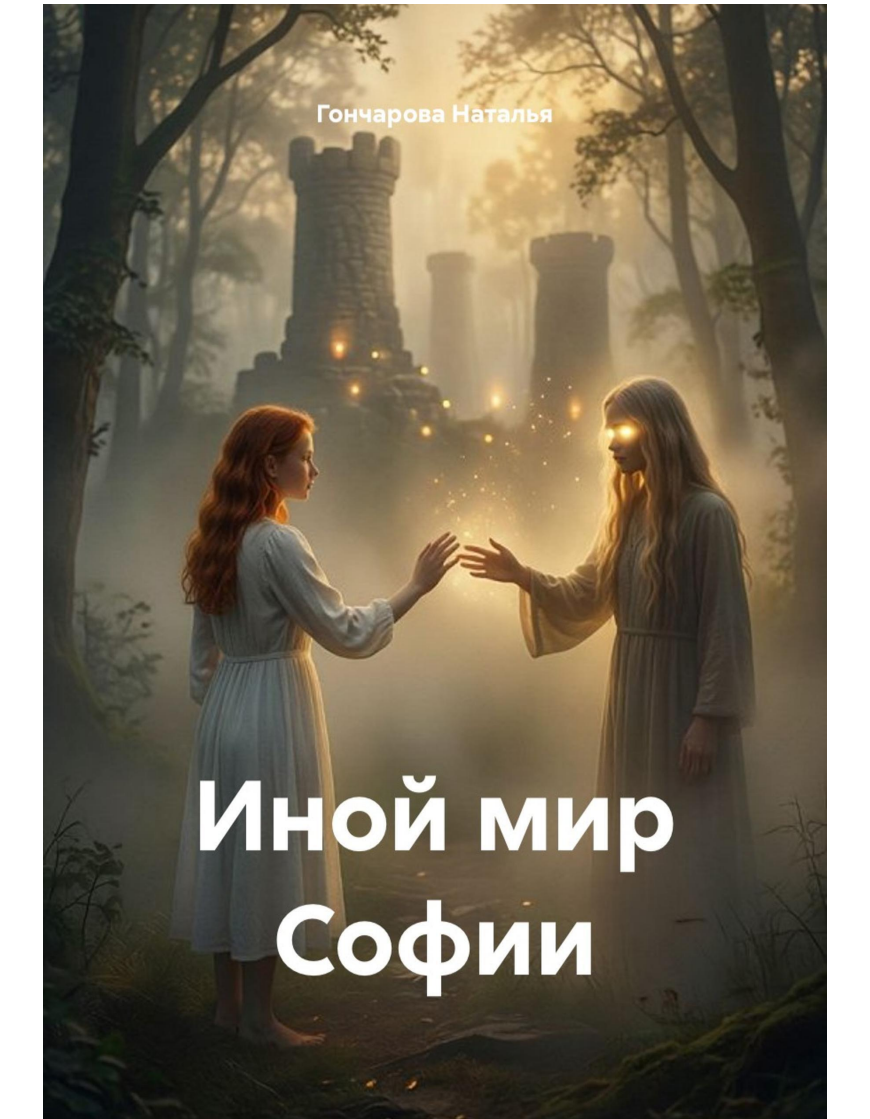

A magical forest scene with two women reaching for each other, with a castle in the background. The scene is set in a dense, misty forest with tall, slender trees. In the background, a stone castle with multiple towers and battlements is visible, its windows glowing with a warm, golden light. The atmosphere is ethereal and dreamlike, with soft, golden light filtering through the trees. Two women stand in the foreground, facing each other. The woman on the left has long, wavy red hair and is wearing a light blue, long-sleeved dress. The woman on the right has long, straight blonde hair and is wearing a grey, long-sleeved dress. They are both reaching out their hands towards each other, and a stream of golden sparks or magical energy flows between them. The overall mood is one of wonder and magic.

Гончарова Наталья

Иной мир Софии

Гончарова Наталья Иной мир Софии

<https://litres.ru/74607428>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир Софии переворачивается в её день рождения

Призрак девушки, который приходит к ней по ночам, ведёт её к реальности, о которой она даже не догадывалась.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Гончарова Наталья

Иной мир Софии

Глава 1

Воздух над Шемьякино висит плотный и тяжёлый, отдавая металлическим привкусом заводского шлака и прелой осенней землёй. Мария стоит у окна. Из сестринской на втором этаже хорошо виден весь медицинский городок — несуразный архитектурный комплекс эпохи позднего застоя, обнесённый покосившейся чугунной оградой. Здесь вся жизнь людей изо дня в день послушно ходит по одному и тому же замкнутому кругу. На тесном пятачке земли, зажатом между закопчённой промзоной и безликими спальными районами.

Прямо под окном желтеет облупившийся фасад соседней поликлиники, а за тонкой стеной в ординаторской слышится плач новорождённых. Если перевести взгляд чуть правее, за аллею искорёженных ветрами тополей, то сразу утыкаешься в приземистое здание — местный морг. К его задним воротам по утрам подкатывают неприметные «Газели», и в кабине одной из них Мария часто видит своего мужа Валентина с его привычным, профессионально-сочувствующим выражением лица, так подходящим владельцу похоронного бюро.

Мария долго смотрит на серый бетонный корпус, и ей чу-

дится невидимая пуповина, которая связывает эти два здания. Одно выплёвывает людей на прокопчённые улицы, другое поглощает их, и от этой почти стёртой границы у неё по спине пробегает холодок.

Грохот распахнувшейся двери и окрик старшей акушерки из коридора заставляют её внутренне подобраться и отвести взгляд. Пора идти.

В родовой густо замешан запах антисептика и хлорки. Вокруг ни одной тени, лампы заливают всё белым светом. Роженица кричит.

— Давай, милая, давай, теперь на выдохе! — командует Мария.

Она держит плечи опущенными, стараясь дышать глубоко. Её голос звучит сухо и размеренно, чтобы задать такт, под который судорожно пытается подстроиться женщина на кресле. Роженица хватается ртом воздух, сменяя простыни в руках.

Мария стоит у ног женщины. Её пальцы в натянутом латексе, руки двигаются уверенно. За годы это уже переросло в автоматизм. Она наизусть знает всё. Прерывистый хрип, то, как багровеет лицо женщины на схватках, и как сменяют друг друга приступы чужой боли. По щеке Марии стекает капля пота, а поясницу ломит от долгого напряжения, но она не позволяет себе даже зажмуриться.

— Ещё немного, умница, терпи, — тихо произносит Мария, и через несколько минут тишину пререзает первый

громкий крик.

Роженица бессильно откидывается на простыни.

Мария принимает скользкое, горячее тело новорожденного мальчика и на долю секунды замирает, глядя на него. Хочет прижать его к себе, но рефлексy берет верх, она накладывает зажимы и перерезает пуповину. Пальцами она чувствует сквозь тонкую кожу частые толчки крошечного сердца, видит, как судорожно вздымается маленькая грудная клетка, вбирая шемякинский воздух. Короткий миг, пока ребёнок ещё ничей, а просто дышит у неё на руках, остаётся единственным, что принадлежит ей одной.

— Ну, знакомься, мамочка, — Мария тепло прищуривает глаза над медицинской маской и аккуратно опускает ребёнка на грудь роженице.

Девчонка в кресле — совсем ещё молодая, с пережжёнными перекисью волосами и татуировкой на ключице — испуганно вжимает голову в плечи. Она косится на младенца, брезгливо кривя рот и тяжело дыша от усталости.

— Господи, как больно-то... — хнычет она, даже не думая протянуть к ребёнку руки. — Меня муж убьёт, если швы останутся. Заберите его, он тяжёлый.

Улыбка в глазах Марии гаснет, её лицо под маской каменеет, челюсти сжимаются так, что сводит суставы. В груди разливается знакомый, обжигающий горло жар. Она бережно забирает младенца обратно, стараясь смотреть в пол, чтобы роженица не заметила, как у неё потемнели глаза и задро-

жали пальцы. Почему всё так?

Виски пульсируют в такт шагам, в голове гул. Мария несёт чужого младенца к пеленальному столику, не в силах отогнать от себя картинку в голове. Губы сводит в тонкую линию от мыслей об этой девчонке. Та даже боится реакции мужа, но всё равно получает ребёнка, а Марию дома снова ожидает пустота. Пальцы впиваются в край столешницы. Через эти руки ежедневно проходят пьяницы с пятым по счёту младенцем, равнодушные малолетки и женщины с отсутствующим взглядом. Жизнь словно издевается, впихивая детей тем, кому они даром не сдались, а у самой Марии внутри всё стянуто глухим узлом.

Когда смена заканчивается, Мария заходит в пустую сестринскую, где в углу монотонно дребезжит старый холодильник. Она стягивает с лица влажную маску, отчего щеки начинают покалывать, и сдёргивает резиновые перчатки — они с глухим шлепком падают в пластиковый лоток.

Мария открывает кран до упора, и ледяной поток с силой бьёт по покрасневшим пальцам. Она трёт ладони, пытаясь смыть въедливую смесь чужого рождения, но этот запах будто пропитал её насквозь. Она выпрямляет затёкшую спину и поднимает глаза к зеркалу над раковиной.

Оттуда на неё смотрит женщина, начавшая терять очертания молодости. Невысокая, полноватая — эта полнота всегда казалась Марии злой иронией тела, имитирующего долгожданную беременность, но накапливающего лишь жир и

усталость. Светлые волосы прямы после медицинской шапочки, выбившиеся пряди прилипли к взмокшему лбу. И глаза. Светло-голубые, как весеннее небо, сейчас они кажутся выцветшими.

Она упирается ладонями в края раковины и опускает голову. Плечи начинает трясти. Слёзы катятся по разгорячённым щекам, смешиваясь с остатками пота, и капают на белый фаянс.

В голове всплывает запах младенца — тёплого молока и чистоты. Запах, который она оставляет на работе. Дома её ждёт Валентин, от которого пахнет формалином и дорогим парфюмом, и оглушающая тишина детской комнаты.

Сумерки опускаются на окраину Шемьякино не сверху, а будто прорастают прямо из сырой земли, клубясь сизым туманом, который неспешно выползает из извилистого русла безымянной речушки. Туман заливаёт низины, прячет под собой пожухлую траву и вязнет в глухой стене деревьев. Лес высится неприступной преградой, отсекая этот очаг цивилизации от дикой пустоты.

На самой границе, где звуки далёкого города растворяются в безмолвии деревьев, возвышается массивное трехэтажное владение Марии и Валентина, облицованное тёмным кирпичом. Высокий забор скрывает от чужих глаз двор,

сиротливые качели на газоне и гараж.

Но дом здесь не главное. В стороне стоит здание, которое совсем не вяжется с провинциальностью Шемьякино. Простая коробка из бетона и стекла. Никаких вывесок, лепнины или крестов — только стальная труба уходит в серое небо. Это крематорий. Валентин построил здесь свою империю на взятках, чужих слезах и собственном упрямстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.